

Шэнь Нянь произнёс «хорошо», и этот краткий ответ закрепил их негласный союз.

Гу Чжи замер, всматриваясь в его лицо, а затем взгляд младшего заметно смягчился. Настороженность и недоверие, с которыми он ещё минуту назад готовился защищаться, испарились. Казалось, именно с этой секунды Гу Чжи окончательно признал Шэнь Няня своей собственностью. В его глазах вспыхнуло глухое, безраздельное чувство владения — отныне весь его мир сжался до одного-единственного человека.

Шэнь Нянь не почувствовал тревоги — напротив, в душе воцарилось странное спокойствие.

Гу Чжи протянул руку, сжал его ладонь и едва заметно качнул:

— Няньнянь, я есть хочу.

Шэнь Нянь несколько секунд молча разглядывал мальчика. Чудно: стоит им стать немного ближе, как тот мгновенно перестаёт звать его «братом». Впрочем, Шэнь Нянь и сам не горел желанием играть роль старшего. Какая разница, как его называют, если это всего лишь обращение?

Он не стал вырывать руку и так, держась за ладонь Гу Чжи, повёл его из-под навеса галереи в кухню в западном флигеле.

Оставшийся с обеда жареный маньтоу успел остыть. Шэнь Нянь зажёл горелку, разогрел блюдо и поставил тарелку перед Гу Чжи:

— В доме больше ничего нет. Даже если не любишь яйца, придётся перекусить этим.

Гу Чжи перевёл взгляд с еды на Шэнь Няня и тихо ответил:

— Я люблю.

Взяв палочки, он принялся за еду. Гу Чжи набросился на маньтоу с такой жадностью, будто горячей пищи не видел уже вечность. Не прошло и минуты, как тарелка опустела больше чем наполовину, а щёки его надулись так, что парень едва мог жевать. Шэнь Нянь стоял у окна, наблюдая за этим; останавливать он его не стал, лишь налил стакан воды и бесшумно поставил рядом.

Гу Чжи поднял глаза, и в его взгляде мелькнула искательная, угождающая улыбка.

Шэнь Нянь искренне не понимал, как в одном человеке уживаются столь полярные качества — ледяное отчуждение и пылкая привязанность, причём переключение между ними происходило мгновенно, без единой заминки.

Но именно эта черта позволяла увидеть Гу Чжи насквозь. В его мире любили и ненавидели без полутонов: ни серых зон, ни промежуточных состояний. Всякий, кто не входил в его круг, наталкивался на глухую стену безучастия — Гу Чжи даже взгляда бы на него не бросил. Зато тому, кого считал «своим», кто был ему по-настоящему желанным, он готов был отдавать бесконечную нежность.

Словно ёж, выставляющий иголки наружу и раскрывающий мягкое брюшко только перед одним-единственным человеком.

Завоевать привязанность такого человека — сомнительная утеха для чужого самолюбия. Ведь в его разуме и сердце не останется места ни для кого другого.

У Шэнь Няня не было тщеславия, однако он отчаянно нуждался в тепле и человеческом присутствии. Гу Чжи давал и то и другое. Его властность неожиданно подарила Шэнь Няню почву под ногами, заставив забыть о давящем чувстве пустоты.

Шэнь Няню стоило лишь захотеть — и эта преданность осталась бы с ним на всю жизнь. Достаточно проявить каплю тепла, чтобы приручить этого зверя; малой щепотки заботы хватит, чтобы Гу Чжи навечно склонил голову, остался подле него, не сводил глаз и жил только ради него.

Шэнь Нянь не находил причин отказываться. Ему хотелось, чтобы в этом огромном мире был хоть один человек, пришедший именно ради него. Пусть изначально Гу Чжи таким и не был, Шэнь Нянь вполне мог его им сделать.

И сделать это, как он понимал, будет совсем несложно.

Покончив с едой, Гу Чжи сам вымыл посуду, насухо вытер тарелки и убрал их в буфет. Затем подошёл к Шэнь Няню и покорно заглянул ему в лицо — в его взгляде читалось такое кроткое послушание, что прошлый давящий образ мгновенно изгладился из памяти.

Гу Чжи с лёгкостью переключался между любовью и ненавистью, но Шэнь Нянь не умел быть расчётливым подлецом. Нахлынувшая неловкость и внутреннее смущение заставили его отвести взгляд.

— Поздно уже, ляжем спать. Мне завтра в школу.

Гу Чжи кивнул и поплёлся за ним в северное крыло. Шэнь Нянь остановился перед дверью комнаты, в которой раньше жил младший. В ту же секунду Гу Чжи с заискивающей надеждой

установился на него:

— Няньнянь, на улице дождь.

Ему хотелось лечь вместе.

Но Шэнь Нянь этого не планировал, да и та кровать была слишком тесной для двоих:

— Я не привык спать с кем-то.

Гу Чжи ещё несколько мгновений молча смотрел на него. Его взгляд оставался удивительно мягким, и настаивать он не стал — хотя ему всем сердцем хотелось вернуться с Шэнь Нянем в ту крошечную комнатку.

Дверь отворилась, и в нос ударил спёртый застоявшийся запах пыли. После того как Гу Чжи сбежал, Шэнь Чуншань забрал из комнаты все вещи, и помещение стояло пустым — сам Шэнь Нянь за всё это время не заглянул сюда ни разу.

— Приведи тут всё в порядок. В любом случае это лучше, чем то место, где ты скитался.

— Если я приберусь, ты переберешься сюда? — спросил Гу Чжи, не сводя с него глаз.

Шэнь Нянь не сразу понял, к чему он клонит.

— Эта комната ведь изначально была твоей.

Он хотел вернуть её прежнему хозяину.

— Не нужно, — ответил Шэнь Нянь. — Живи здесь.

Бросив эти слова, Шэнь Нянь повернулся и ушёл. Гу Чжи остался один. Он провожал его взглядом, пока тот не скрылся в своей камерке, и лишь затем оглядел комнату, в которой прожил целый год. Никаких чувств она в нём не вызвала. Гу Чжи никогда не привязывался ни к стенам, ни к понятию «дом» — для него имел значение только человек, способный быть рядом.

При этом он чутко уловил: Шэнь Нянь, обещавший остаться, пока не мог привыкнуть к их новому положению.

Но это дело времени.

Он заставит его привыкнуть.

Гу Чжи взялся за уборку. Разумеется, домашними делами он заниматься совершенно не умел, однако просить Шэнь Няня о помощи не стал. Хотя отлично знал: попроси он — и тот едва ли сможет отказать. Шэнь Нянь ведь был до глупости мягкосердечным, верно?

Дважды протерев пыль, он закончил с комнатными делами и уже собирался достать из шкафа постельное бельё, как на пороге снова возник Шэнь Нянь. В руке он держал аптечку. Едва завидев его, Гу Чжи просиял — в его глазах вспыхнул дикий, плотоядный блеск, словно он смотрел на долгожданную добычу, приближающуюся шаг за шагом.

Шэнь Нянь встретил его взгляд:

— Чего уставился?

Гу Чжи ничего не ответил. Он покорно уселся на край кровати и, покачивая ногами, наблюдал, как Шэнь Нянь присаживается рядом и открывает аптечку, доставая антисептик.

Ватный тампон коснулся рассечённого лба, выступили алые капли. Должно быть, ссадина сильно саднила, однако Гу Чжи даже не сбил дыхания — словно физическая боль была ему вовсе незнакома.

— Закрой глаза, — велел Шэнь Нянь.

Да, ему хотелось, чтобы кто-то растворялся в нём без остатка, но выносить пристальный взгляд Гу Чжи он пока был не в силах.

Гу Чжи беспрекословно зажмурился. Однако на его губах заиграла лёгкая усмешка — он будто потешался над смущением старшего. Находясь так близко, Шэнь Нянь не мог этого не заметить. Быть насквозь прочитанным мальчишкой гораздо младше себя — ощущение не из приятных, но Шэнь Нянь предпочёл смахнуть его. Он молча обрабатывал рану, совершенно не интересуясь происхождением ссадин и не задавая лишних вопросов.

Закончив с перевязкой, он задал вопрос, казалось бы, далёкий от темы:

— Ты помнишь то, что делал со мной раньше?

Гу Чжи разлепил веки и посмотрел на него. На его лице не отразилось ни стыда, ни раскаяния. Он спокойно кивнул:

— Помню.

— И считаешь, что был прав?

Гу Чжи честно качнул головой:

— Шэнь Чуншань обещал меня защищать. Тогда я верил ему. Повернись время вспять, я поступил бы точно так же.

Ему лишь хотелось мёртвой хваткой вцепиться в то, что принадлежало ему по праву, и даже сейчас он не чувствовал за собой вины.

— Няньнянь, твои отношения с Шэнь Чуншанем и без меня были тонкими, как бумага. Не будь меня, он всё равно не дал бы тебе того, в чём ты нуждаешься, и всё так же заставлял бы страдать.

— Это совершенно разные вещи.

Шэнь Нянь наклеил пластырь на обработанную ссадину. Гу Чжи не стал возражать, промолчав в ответ.

На самом деле откровенность Гу Чжи — пусть тот и не испытывал ни капли раскаяния — принесла Шэнь Няню облегчение. Правда бывает горчащей и неприятной, зато не приходится ломать голову, пытаясь угадать чужие мысли.

— Может, для тебя это и не проступок, но мне от твоих поступков было очень больно, — Шэнь Нянь убрал лекарства в аптечку и заглянул мальчику в глаза. — Нам предстоит жить под одной крышей. За тобой тянется слишком длинный след прошлых грехов, поэтому быстро перешагнуть через всё я не смогу. Мне нужно время.

Шэнь Нянь устроен иначе: он не умел бросаться в омут с головой и с лёгкостью щёлкать переключателем чувств.

Он взвешивал и сомневался.

Гу Чжи был для него лишь средством от одиночества, но при этом оставался человеком, к которому он не питал симпатии.

У причинённых ран могли быть сотни оправданий, но у жертвы оставалось право не прощать.

Быть рядом и быть любимым — вещи совершенно несопоставимые.

Гу Чжи не было места в его сердце, и пускать его туда Шэнь Нянь не собирался.

Ему просто требовалось присутствие другого человека.

Гу Чжи долго вглядывался в его лицо. Шэнь Нянь уже решил, что тот попытается, но мальчик вдруг спросил:

— Сколько?

— Не знаю, — ответил Шэнь Нянь. — Может, месяц. Может, полгода.

Гу Чжи замер, вникая в ответ:

— Ты ведь меня не бросишь?

— Не брошу, — Шэнь Нянь встретил его взгляд. — Ты и сам знаешь: я не хочу оставаться один.

— Ладно, я понял, — Гу Чжи едва заметно кивнул и немного расслабился. — Я подожду.

Это застало Шэнь Няня врасплох. Взгляд Гу Чжи казался чистым и наивным, в нём не проглядывало и капли фальши. Однако в груди Шэнь Няня укоренилась липкая тревога — ему показалось, будто его видят насквозь и читают мысли, точно открытую книгу.

— Уже поздно, — с улыбкой произнёс Гу Чжи. — Иди спать, Няньнянь.

Шэнь Нянь спорить не стал. Поднявшись, он вышел. Гу Чжи долго смотрел ему вслед, и лишь когда створка затворилась, неторопливо перевёл взгляд на окно.

Дождь стих. Должно быть, этой ночью ему удастся выспаться.

Вспомнив недавние слова Шэнь Няня, Гу Чжи невольно улыбнулся. Старше на два года, а читается с первого взгляда — настоящий чистый лист.

Он вознамерился приручить зверя, уберегая собственный гордый дух.

«Ах, Няньнянь... — пронеслось у него в голове. — Неужели ты не понимаешь, насколько просто подчинить тебя на самом деле?»

Как и говорил Гу Чжи, час был поздний, пора ложиться.

В последнее время Шэнь Нянь постоянно мучился бессонницей и был уверен, что этой ночью и подавно не сомкнёт глаз. Он ведь принял такое серьёзное, безумное, поддавшееся эмоциям решение — теперь требовалось хотя бы обдумать дальнейшие шаги и понять, как уживаться с Гу Чжи.

Однако, вопреки ожиданиям, сон сморил его мгновенно. Вопросы взаимного сосуществования действительно требовали решений, но одна лишь мысль о том, что в доме он больше не один — что в соседней комнате дышит человек, делящий с ним эту тишину, — подарила неожиданный покой.

Именно это чувство защищённости и помогло ему погрузиться в небытие.

Из комнаты Гу Чжи время от времени доносился негромкий шорох — мальчик всё ещё наводил порядок. Посреди ночной тишины подобные звуки обычно раздражают, но Шэнь Нянь не ощущал ни малейшего досадования. То, что для других показалось бы помехой, звучало для него убаюкивающей колыбельной, непрестанно напоминавшей: дом больше не пуст.

Под эти размеренные звуки он сам не заметил, как заснул.

Без сновидений.

Дождь лил до самого рассвета, и двор, казалось, должен был утопать в опавшей листве и лужах. Но когда наутро Шэнь Нянь вышел из северного флигеля, то обомлел: во дворе царила идеальная чистота, даже лужи были тщательнейшим образом выметены. Оставалось лишь гадать, во сколько поднялся Гу Чжи — Шэнь Нянь не уловил ни единого шороха.

Такая усердность выглядела неожиданной. Шэнь Няню уже приходилось жить с ним под одной крышей, но даже при Шэнь Чуншане Гу Чжи никогда не проявлял подобной покладистости и палец о палец не ударял ради домашних дел.

Заглянув в его комнату, Шэнь Нянь увидел безукоризненный порядок. Сам Гу Чжи отсутствовал. Куда он ушёл, Шэнь Нянь не знал и искать не собирался. Гу Чжи неплохо читал его мысли, но и Шэнь Нянь знал характер мальчишки: вчерашний уговор связал их крепче уз, и Гу Чжи ни за что не сбежит снова. Волноваться о его исчезновении не имело смысла.

Как и было сказано, этот человек не отпустит его до конца своих дней.

Умывшись, Шэнь Нянь укладывал учебники, когда в дверь постучали. Повернув голову, он увидел Гу Чжи. Вместе с ним в комнату ворвался аппетитный аромат свежей выпечки.

— Я сходил за завтраком, — Гу Чжи приподнял бумажный пакет. — Будешь?

В их деревне не было лавок с едой; чтобы купить горячий завтрак, приходилось добираться до

самого посёлка. Выходит, мальчишка встал ещё до первых петухов.

— Нет, — отказался Шэнь Нянь.

Он ни капли не жалел о вчерашнем соглашении, однако заставить себя проявлять теплоту пока не мог.

— Ешь сам, я опаздываю.

В глазах Гу Чжи мелькнуло горькое разочарование, но, вспомнив, по-видимому, вчерашний разговор, он не стал настаивать и молча отступил в сторону, освобождая проход.

Шэнь Няню следовало уйти не оборачиваясь, однако, проходя мимо, он невольно замялся. Ему показалось, что Гу Чжи сейчас похож на нашкодившего щенка, опустившего хвост после взбучки. Это нелепое сравнение отозвалось в душе непрошеной жалостью, но Шэнь Нянь разозлился на собственную слабость и ускорил шаг, уходя в школу.

На занятиях классный руководитель сообщил: заявление на место в общежитии одобрено, при желании переехать можно хоть сегодня.

Шэнь Нянь, признаться, совершенно выкинул это из головы. Одобрил учитель бумагу днём ранее — и разговор с Гу Чжи об «останься» вовсе бы не состоялся. Ведь Шэнь Нянь просто искал спасения от одиночества, а жизнь в общежитии полностью перекрывала эту потребность. На редкость иронично: благую весть принесли ровно тогда, когда уговор с Гу Чжи уже вступил в силу.

Вернувшись после уроков, Шэнь Нянь застал Гу Чжи у въезда в переулок. Мальчик сидел на каменной тумбе; неподалёку младшеклассники с шумным геканьем гоняли стеклянные шарики. Взгляд Гу Чжи не выражал ни зависти, ни желания примкнуть — он просто наблюдал за чужим весельем с лёгким недоумением, словно искренне не понимал, какая радость может быть в стекляшках.

Едва Шэнь Нянь подошёл ближе, Гу Чжи вскинул голову. Поймав взгляд старшего, он просиял, мгновенно соскочил с тумбы и поспешил навстречу:

— Няньнянь, ты вернулся!

— Угу, — ровно отозвался Шэнь Нянь, направляясь к дому.

Гу Чжи не обратил внимания на сдержанность и без лишних слов поплёлся следом.

Ощущая голод, Шэнь Нянь бросил портфель и направился на кухню. К его удивлению,

продукты уже были подготовлены: промыты и аккуратно нарезаны, что значительно сэкономило время. Повернувшись, он встретил взгляд Гу Чжи, тихо шагнувшего вслед за ним.

— Готовить я не умею, но чистить и резать могу, — произнёс мальчик.

Шэнь Нянь промолчал. Гу Чжи не отступил под его холодным взглядом. Несколько секунд они стояли в тишине, пока Гу Чжи тихо, почти неощутимо не вздохнул, будто сдаваясь:

— Ладно... Я научусь готовить.

Шэнь Нянь отвёл взгляд и отвернулся к плите. Гу Чжи сдержал слово: он остался рядом и внимательно следил за каждым движением, запоминая порядок обжарки и заправки блюд. В его глазах читалось искреннее усердие. Шэнь Нянь не стал его прогонять. В конце концов, учиться пора.

Сам он встал к кухонному очагу ещё в одиннадцать лет, взбираясь на деревянную скамеечку, чтобы дотянуться до котла. Там и набивал руку.

Гу Чжи сейчас старше, так что ничего непосильного в этом нет.

Когда всё было готово, Гу Чжи поднёс тарелки к столу и терпеливо дождался, пока присядет Шэнь Нянь, прежде чем сесть самому. Его сегодняшняя кротость начисто стирала воспоминания о прошлых выходках. Будь Гу Чжи таким с самого первого дня появления в доме, они, вероятно, смогли бы сладить. И Шэнь Нянь без ропота опекал бы его каждый раз, когда Шэнь Чуншань срывался в очередные разъезды.

Считал бы его настоящим младшим братом.

Однако судьба распорядилась иначе, толкнув их на кривую дорожку. Вернулись ли они на верный путь — вопрос открытый, но шагать дальше явно стало немного легче.

Заметив, что Шэнь Нянь не расположен к разговорам, Гу Чжи ел молча. Покончив с ужином, он без лишних слов собрал посуду и унёс к раковине. Шэнь Нянь возражать не стал: один готовит, другой моет — всё честно. Они просто два человека, делящих один быт, и никто не обязан взваливать на себя роль единственного попечителя.

Если и заботиться друг о друге, то только на равных.